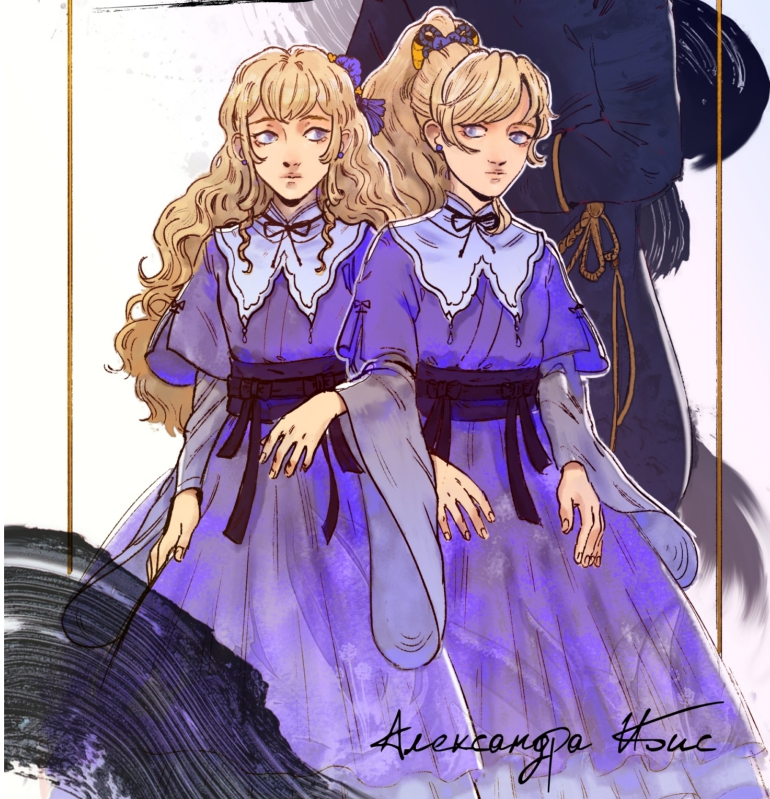

Дочери Хозяина

Семей

16+

Александра Жус

Александра Ибис Дочери Хозяина Теней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68301790

SelfPub; 2023

Аннотация

Мы с сестрой переродились в другом мире! До семи лет никому не нужные близняшки-сиротки, мы вдруг оказались дочерьми Винсента Колденхарда, единственного герцога империи, также известного, как Хозяин Теней. Сможем ли мы стать членами семьи, таинственных магических способностей которой боится вся империя? Удастся ли нам обрести счастье в этом чуждом для нас мире? И, что самое интересное... умеет ли Винсент Колденхард улыбаться?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	26
Экстра. Алых капель след	33
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александра Ибис Дочери Хозяина Теней

Часть первая

Глава 1

Вообще-то, мы с сестрой хорошие девочки. Всегда ложимся спать после отбоя и помогаем воспитательницам, если нас просят: где на кухне что перетащить, где бельё развешать. Без лишней скромности заявлю, что мы золото, а не дети. Но это не значит, что нас можно в буквальном смысле продавать за золото!

– Сутенёр? – шёпотом переспрашивает Анита. Глаза у неё огромные, круглые, как две монеты. – Я не ослышалась, он сказал «сутенёр»?

– Тише ты! – я прикладываю палец сестре к губам, чтобы она замолчала и не выдала наше присутствие.

Сегодня мы с Анни, как обычно в послеобеденное время, были с воспитательницей Мэри, которая учила нас читать и писать. По слухам, Мэри была внебрачным ребёнком какого-то аристократического рода, потому многому была обучена семьёй. Правда, никто не знал, как она в итоге оказа-

лась среди персонала сиротского приюта. Она не говорила, мы пытались любопытствовать, но девушка отмалчивалась. Зато, стоило ей заметить в нас интерес к грамоте, как она взялась за наше обучение. Мы хорошо учились и быстро всё схватывали, в то время как другие дети играли во дворе.

Правда, Мэри всё сетовала, что нам бы дурачиться с другими ребятами больше и чаще. Но у нас с Анни были причины сторониться их: ментально мы чувствовали себя всё же старше. Как-никак, мы были необычными девочками!

Семь лет назад(а может, и больше, но по ощущениям для нас всё произошло за мгновения) с нами произошло большое несчастье. Мы с сестрой возвращались со школы, переходили дорогу и попали под машину. Помню, что, даже умирая, я держала Аниту за руку. Тогда нам было шестнадцать лет... Однако едва наступила тьма, как вскоре она рассеялась, и вот уже я содрогалась в крике, потому что внезапно стала маленькой... крохотной, как младенец! Я и была младенцем! А рядом плакал ещё один ребёнок.

Меня и этого ребёнка оставили на пороге приюта, и очень скоро я поняла, что другим младенцем была моя сестрёнка. Что наша связь близнецов оказалась настолько крепка, что мы умерли вместе и родились вместе ещё раз! Анита тоже это почувствовала. Нашими первыми словами был вопрос: «Это ты?» И ответ: «Да». Мы не помнили наши прошлые имена, зато помнили жизни. Помнили, что имели любящую семью и друзей. И понимали, чего лишились. Это наложи-

ло отпечаток на восприятие перерождения. Однако мы были счастливы иметь хотя бы друг друга.

Возвращаясь к настоящему... Мы занимались с воспитательницей Мэри, когда хозяин приюта вызвал её к себе в кабинет, при этом как-то странно на нас глянув. Этот-то взгляд нам и не понравился, вот мы и прокрались под дверь подслушать. Ничего хорошего мы не услышали.

– Подготовь их, – бросает мужчина нашей воспитательнице, а у меня волосы встают дыбом на затылке. Я хватаю сестру за руку и медленно тащу её от двери, а когда мы отходим достаточно далеко – бросаюсь вместе с ней вниз по лестнице и во двор.

– Надо валить отсюда! – заключаю я, когда мы забегаем за здание, в укромное место. – Так далеко, как только сможем, Анни!

– Но куда? Нам семь лет! – Анита тяжело дышит, бегать она никогда не любила. – Даже если ментально мы старше, мы мало знаем об этом мире. А того, что мы знаем, достаточно, чтобы понять: дети на улицах здесь гибнут, в лучшем случае – попадают в приюты. Думаешь, другой будет лучше этого?

– Ну, не знаю, может, в другом нас не отдадут сутенёру!

– А если, оказавшись на улицах, мы всё равно к нему попадём?

Анита говорит разумные вещи. Она всегда говорит разумные вещи. Что не отменяет вопроса:

– И что ты предлагаешь?

На это у сестры ответа не находится. Она судорожно вздыхает.

– Я боюсь, Али.

Я беру её за обе руки. Они трясутся.

– Я тоже, сестрёнка. Но неизвестность лучше сутенёра.

Нет, ну действительно же лучше! Правда, же?

– Помнишь, Том показывал нам то место, где прутик забора двигается? – решается Анита.

Я киваю, и мы шмыгаем в кусты. Волосы цепляются за веточки и, прежде, чем мы пробираемся к спрятанному за зеленью участку забора, через который можно пробраться наружу, моя ленточка для волос отвязывается и оказывается в обществе листьев.

– А я говорила, что надо косы заплетать, – хмыкает Анита, когда я обнаруживаю пропажу. Хвостик на боку у меня распался – и золотые волосы оказались рассыпанными по плечу. Точнее, не совсем золотые.

За забором – брусчатка. Оно и не удивительно – кто бы нас ни принёс на крыльцо семь лет назад, он закинул нас в столичный приют. Мимо нашего здания нередко проезжали дорогие кареты.

– Думаю, лучше идти по людной улице, – рассуждаю я на ходу, снимая ленту со второго хвостика и собирая волосы в один. – Так нас труднее будет найти в толпе.

Мы с сестрой поворачиваем – и тут же выходим на ожив-

лённую площадь. Мы знали, что она где-то поблизости, но не думали, что настолько близко. Малюток, вроде нас, за пределы приюта ещё не пускали. В отличие от девятнадцатого века нашего родного мира, дети здесь дольше считались детьми.

– Здесь довольно шумно, – Анита жмётся ко мне ближе, оглядывая народ вокруг. Похоже, сегодня какой-то праздник. Вокруг полно лавочек с торговцами, горожане ходят группами и переговариваются, а ещё играют музыканты. Большинство одеты просто, но, кажется, мелькают и одежды подороже.

– Нам же на руку, – успокаиваю я близняшку. В отличие от неё, я не боюсь. Я... в восторге. – Мы... давно не гуляли так.

Анита смотрит на меня внимательно, потом неуверенно улыбается.

– Ты права, давно.

И вдруг мы одновременно замираем. Моя рука крепко сжимает руку Анни. Носик втягивает воздух.

– Чувствуешь? – шепчу я сестре на ушко.

– Какао пахнет, – восторженно отвечает Анита. Запах любимого напитка перебивает даже её страх.

Нас словно по воздуху несёт к открытым дверям небольшого кафе на площади, откуда идут настолько родные и чудесные запахи, что плакать хочется. Я обожала сладкое в прошлое жизни. И Анни его тоже любила. Но в приюте, ясное дело, мы не были балованы такой роскошью.

– Ну, по крайней мере, мы знаем, что здесь есть какао, – пожимаю я плечами, с завистью и текущей слюной глядя на девочку в прелестнейшем платьице, что сидит со своими родителями за одним из столиков в кафе.

– И счастливые семьи, – дрожащим голосом добавляет Анита.

Мы редко говорим с ней об этом, но... нам бы хотелось, чтобы нас удочерили. Мы не слышали причин, по которым наши родители в этом мире нас оставили, не знаем, умерли ли они или просто бросили нас. Но, хоть мы и были друг у друга, телами мы были детьми, вследствие чего и ощущали себя ими, хоть и старше сверстников. А дети нуждаются в семье. В родителях, защите и ласке, которых у нас не было!

– Девочки, вы потерялись?

Подскочив на месте, я резко оборачиваюсь и упираюсь взглядом в чужие длинные стройные ноги. Сглотнув, я высоко задираю голову, но у меня не получается рассмотреть лицо внезапного собеседника-великана ровно до тех пор, пока он не преклоняет колено, как рыцарь.

– Ох, – изо рта сестры вырывается поражённый вздох. Я её понимаю.

Чёрные непослушные волосы обрамляют красивое молодое лицо незнакомца. У него молочно-белая кожа, словно он совсем не восприимчив к палящему солнцу, зелёные глаза, прямой нос и такая мягкая улыбка, что будь я постарше, у меня бы сердечко чаще забилося. Мужчина не кажется

страшным, но внешность обманчива, нам ведь с сестрой всё же не совсем-совсем семь лет!

Я встряхиваю головой, отгоняя наваждение, и мой хвост покачивается на свету.

– Это же... – незнакомец чему-то удивлён, он протягивает руку, словно зачарованный, но, увидев, что мы с сестрой пятимся, резко её одёргивает. – Я прошу прощения, юные леди. У вас очень интересный цвет волос.

Тааак... пошли странные комплименты. Анита опасно оглядывается, я же стараюсь не отводить взгляда от мужчины.

– Обычный, – буркаю и жду, что увидев проявление недружелюбия с нашей стороны, незнакомец отстанет. Не станет же он что-то делать на переполненной народом площади?

Но он так и сидит перед нами на коленях.

– Должно быть, я вас напугал, – вдруг понимает он и, склонив голову, представляется: – Сэр Клод Лоял, рыцарь герцога Колденхарда. Доводилось ли вам слышать о герцоге Колденхарде?

Анита дёргается. Крайне восприимчивая, она-то сразу вспоминает о том, кто такой герцог Колденхард, а вот я не соображаю, пока она не произносит:

– Вы рыцарь Хозяина Теней?! Извиняемся, если проявили грубость!

Хозяин Теней? Постойте, тот самый Хозяин Теней, ко-

торым нас пугали на ночь воспитательницы? Единственный маг в империи, обладающий способностями повелевать теньями? Сильный, быстрый и смертоносный, подобно чудовищу?! Этакий здешний Тёмный Властелин?!

– Да, мы извиняемся! – после щипка со стороны Анни, спешно добавляю я.

– Но вы же ничего не сделали, – рыцарь пребывает в недоумении, но недолго: – Но, если вы чувствуете себя виноватыми, не откажетесь от угощения? – он кивает в сторону кафе.

Аниту начинает трясти. Я же... настороже. Непонятно, что страшнее: отказать рыцарю единственного герцога империи, мужчине явно благородного происхождения, или согласиться? Незнакомцы, желающие угостить детей, ничего хорошего не несут. Вот уж... сбежали от сутенёра непонятно к кому!

Внезапно рука Анни очень крепко сжимает мою, а потом она тянет меня в толпу. Я плетусь за ней следом, поражённая её внезапным шагом.

– Стойте! Подождите! – кричит рыцарь нам вслед, но мы с сестрой упорно проталкиваемся через толпу, пока не оказываемся на другом конце площади.

Анита утягивает меня в проулок и тяжело дышит.

– Давай вернёмся?

Я смотрю на неё и уже не могу сказать однозначно, что это плохая идея. Может, Мэри не позволила бы нас никому отдать? Хотя, что может воспитательница против хозяина при-

юта?

– Из огня да в полымя, – вздыхаю я, прислонившись к стене. – И чего этот рыцарь от нас хотел?

– Даже думать не хочу! – отрезает близняшка и тут же себе противоречит: – А вдруг он хотел отдать нас Хозяину Теней? Он же чёрный маг, да и герцог к тому же, мало ли, что он делает с детьми... Не зря нас им постоянно пугали!

– Да ну... вряд ли всё настолько плохо, – сомневаюсь я. – Родственнику императора, конечно, могут многое спускать с рук, но не всё же...

– Так потому этот сэр Клод и хотел привести ему потерявшихся детей! – припечатывает Анита.

Я вздрагиваю:

– У тебя слишком богатое воображение.

– А ты слишком беспечна!

Напряжённость момента внезапно разрушает протяжное урчание моего живота. В приюте уже должно быть время ужина. Анита хмыкает.

– Вечно ты о еде думаешь.

– Я же ничего не сказала! – возмущаюсь я и стучаю её кулачком по плечу.

– Девочки!!! – знакомый голос и обычно мягкие руки крепко хватают за плечи. – Вот вы где, негодницы! Мы вас все обыскались!

Мэри, в своём чёрном платье воспитательницы, в котором наверняка даже вечером жарко в такое тёплое лето, хватает

меня и Аниту за крохотные ладошки и сжимает, как в тисках. Она никогда так раньше не делала.

– Вы хоть представляете, как заставили нас волноваться?! – отчитывает она, выводя нас на площадь и практически таща за собой. – Не ожидала подобного от вас! Вы меня очень, очень разочаровали!

– Мэри, мы... – пытаюсь вставить слово я, напуганная и немножко чувствующая вину.

– Воспитательница Мэри, Алесса! – шикает на меня девушка. – Где твоё воспитание?

От неожиданно резкого тона Мэри я прикусываю язык и переглядываюсь с Анитой. Она прикладывает указательный палец свободной от хватки руки к губам.

Через десять минут нас вталкивают в комнату на третьем этаже приюта и запирают дверь на ключ. Другие дети за нашей спиной, выходящие из столовой, перешёптывались, пока нас вели туда. Никогда прежде мы не попадали в комнату наказаний.

Комната наказаний маленькая и тёмная. Здесь есть окно, но оно закрыто тканью, прибитой к нему, и пропускает очень мало света. Стоящие у стены в ряд кровати занимают почти всё пространство комнаты. Здесь ни игрушек, ни стола, ни книг, ни фонаря или лампы, чтобы попавший сюда сидел в тишине и думал над своим поведением.

– Ужином нас явно не покормят, – вздыхаю я, сползая на пол по деревянной обшарпанной двери за спиной.

– Хватит думать о еде! – Анни присаживается передо мной на корточки и тычет пальчиком мне в складку между бровями.

– Но я есть хочу! – хнычу я.

– Я тоже! Но... – Анита прикусывает губу. – Как думаешь, хватит сил содрать? – она кивает на ткань на окне.

Я мотаю головой:

– Нет. Ткань плотная, тяжёлая, прибитая. И окно не открывается. Даже если разобьём стекло, спуститься вниз не сможем: ни балкона, ни карниза.

– Так ты-таки подумала об этом!

– Конечно! По-твоему, я только о еде думать способна?! – лёгкий удар моим кулачком приходится сестрёнке в лоб. – Да и разве ты не хотела вернуться?

Анита одаряет меня злым взглядом и молчит.

– Анни? – выдавливаю из себя спустя вечность молчания.

– А? – откликается близняшка.

– Даже если нас всё-таки продадут, возможность сбежать должна подвернуться. Нам ведь семь лет. Мы сейчас бесполезны.

– Тут наверняка есть извращенцы!

– Да я тебя успокоить пытаюсь!

– А ты не пытайся!

Мы снова погружаемся в давящую тишину, нарушаемую лишь редким урчанием наших животов да звуком дыхания. Как вдруг!..

Анита подскакивает на ноги и подбегает к окну, хотя через него ничего и не видно. Прикладывает к нему ухо.

– Слышишь? Кто-то подъехал!

Я оживляюсь и подхожу к сестре.

– Поздновато для визитов...

Мы переглядываемся и надеемся, что дверь в комнату наказаний вскоре не откроется. Но нашим надеждам не суждено сбыться. Буквально через несколько минут на пороге появляется трясущаяся Мэри. Девушка трясётся так сильно, словно её специально дёргают за ниточки, на лице у неё маска ужаса, глаза пугающие. В темноте мы не сразу замечаем, что вокруг неё... будто что-то кружится. Что-то, похожее на дым от костра.

Она заходит к нам и берёт нас, замерших истуканами, за руки, выводит в коридор, в котором слишком светло после комнаты наказаний.

– Ваша светлость, – с поклоном обращается она к кому-то, кого мы сразу не заметили, так как он был поодаль за её спиной. Голос у воспитательницы дрожит.

«Ваша светлость?» – мелькает в голове мысль, что кто-то такого высокого статуса уж точно не сутенёр. Но что такому высокопоставленному человеку делать здесь?

– Али, – шёпотом окликает меня Анита. Когда я поворачиваю к ней голову, она смотрит вверх. Я тоже поднимаю взгляд, чтобы посмотреть на внезапного посетителя.

– Да ну! – вырывается у меня изо рта, а глаза наверняка

становятся по пять рублей.

Глава 2

Хоть я никогда не видела мужчину прежде, я догадываюсь, кем он может быть, и чувства у меня по этому поводу более чем смешанные.

Он высок, широкоплеч, прекрасно сложен. Его белый... ну, предположим, что это китель... украшен золотыми пуговицами и наплечниками. На боку висит меч, но даже и без него посетитель выглядел бы внушительно. Кожа бледная, аристократичная, лицо холодное, и на нём двумя чёрными драгоценными камнями выделяются глаза. Но больше всего внимания привлекают его волосы! Они светлые, но не совсем: если бы их рисовал художник, то он бы, используя жёлтый карандаш, нарисовал бы поверх несколько чёрных линий. Коридор достаточно хорошо освещён, чтобы видеть, что цвет волос совсем не ровный: в светлые пряди закрались чёрные нити. Блонд с тёмным отливом.

Этот оттенок... такой оттенок я видела лишь у двух человек прежде. У себя и Аниты.

– Вы... – Анни открывает рот, но опускает голову и закусывает губу. Ей не нужно заканчивать свой вопрос, чтобы я поняла, что именно она собиралась спросить.

– Родственник? Брат? Отец? – завершаю я за неё, вновь задрав голову.

Смекнув, что слишком высокий, мужчина присаживается

перед нами на одно колено, как рыцарь несколькими часами ранее. Он смотрит внимательно, изучающе, и мне мерещится звук чьих-то стучащих зубов за спиной. Мне не страшно. В моих глазах, вероятно, читается вызов.

– Отец, – кивает посетитель в дорогих одеждах. – Определённо отец.

Я теряюсь и делаю от него шагок назад. Анита рядом со мной судорожно вздыхает: её лицо искажено, у неё на кончике языка вертится куча вопросов, но она сдерживается.

– Клод, – властный голос звучит как призыв. Через несколько секунд по лестнице взбегает уже знакомый нам с сестрой рыцарь. Он ждёт приказов господина. – Ты заслужил выходной.

На лице мужчины расцветает улыбка:

– Рад служить, – рыцарь смотрит на нас. – Прошу прощения, что напугал вас днём, юные леди.

Я не нахожусь с ответом. Анита прижимается ближе ко мне, молчит. Я чувствую, как ей некомфортно. Мне и самой некомфортно. То, что сейчас происходит... похоже на дурацкий сон.

– Я их забираю, – обращается новоявленный отец к непонятно когда оказавшемуся здесь хозяину приюта. Может, он всё это время был тут, но мы были слишком отвлечены «семейным воссоединением», чтобы заметить? Вокруг хозяина, как и вокруг Мэри, кружит чёрный дым: пожилой человек взмок от пота. – Я пришлю представителей разобраться со

всеми формальностями.

– Ка-как с-скажете, Ва-ваша С-светлость, – хозяин, что собирался нас продать, заикается. Прежде он никогда так не боялся, ходил по приюту властный и высокомерный. Было очевидно, что детей он на дух не выносил.

Вот уж правду говорят: страх способен сотворить с людьми удивительные вещи.

Анита вдруг отцепляется от меня и вперяет взгляд в главу приюта. «Что она собирается делать?» – я едва успеваю задуматься об этом, когда сестрёнка, невинно склонив голову к правому плечу, произносит:

– Мне казалось, вы уже хотели нас кому-то отдать.

– Что? – мужчина вздрагивает, обращая внимание на Анни.

– Ну, как же, днём! – близняшка непонимающе хлопает ресницами. – Вы ещё вызывали воспитательницу Мэри. Говорили что-то про... как же это... сутенёра!

Голос у Анни настолько невинный, что сложно усомниться в том, что она говорит всё это осознанно, а не из детского непонимания ситуации. Ещё в нашей прошлой жизни сестрёнка нередко играла в школьных сценках, но я не подозревала за ней таланта играть в *такой* ситуации. Она ведь ещё недавно и слова и произнести не могла! Что это с ней? Поступить подобным образом даже мне в голову не пришло!

Дым вокруг Мэри и хозяина становится темнее и плотнее. Он разрастается, ползя по их телам от щиколоток к голове, и

что-то мне подсказывает, что если он поглотит их целиком, то ничего хорошего не будет.

– Анита, дорогая, где ты услышала это слово? – елеиным голосом интересуется директор. Он пытается приблизиться к ней, но вскрикивает от боли: дым, больше похожий на тени, удерживает его на месте.

– Вы же!..

До меня запоздало доходит: «Ваша Светлость» – обращение к герцогу, сэр Клод Лоял – рыцарь герцога Винсента Колденхарда. Вокруг тех, кто нас растил, кружит вовсе не дым. Это тени! Те самые тени, которыми повелевает Хозяин Теней! А это значит, что наш отец...

– Вы же говорили его сегодня воспитательнице Мэри, – пока я пытаюсь осознать навалившуюся информацию, моя сестра продолжает играть. Светловолосая, в белом платье она похожа на ангелочка. – Правда же, воспитательница?

– Так вот почему вы убежали, – понимающе вздыхает девушка и, будто бы не обращая внимания на поднявшиеся ей до самой груди тени, дрожащим голосом говорит герцогу: – Это правда. Господин хотел продать Алессу и Аниту. Мне мало известно, но я расскажу всё, что знаю. Надеюсь на вашу милость.

Мэри склоняет голову. Герцог щурит глаза, и тени от неё отступают. Впрочем, рядом тут же оказывается сэр Лоял.

– Неблагодарная дрянь! – восклицает хозяин приюта, но тени вдруг добираются ему до самого горла и перекрывают

кислород. Мэри кисло наблюдает за страданиями своего работодателя, которого сдала без раздумий.

В следующее мгновение я слышу вскрик – это мою сестрёнку подняла в воздух отделившаяся от герцога тьма, поглотив её и скрыв в чёрный кокон. Мой крик тонет в похожей тьме, ноги отрывает от пола, я лишаюсь зрения и слуха. По всем законам логики мне должно быть страшно и, судя по реакции хозяина приюта и Мэри, больно.

Но страха нет. Ни за себя, ни за сестру. Я чувствую себя удивительно спокойно, будто меня баюкают чьи-то любящие руки. За все семь лет в этом мире мне никогда не было так хорошо. Я прижимаюсь щекой к окружающим теням. Они... ластятся ко мне. Спой мне кто сейчас колыбельную – и я засну крепким сном младенца, позабыв обо всём вокруг.

«Это можно устроить», – раздаётся мягкий голос у меня в голове.

«Дожили! У меня теперь голоса в голове!» – вся сонливость, ясное дело, у меня мгновенно испаряется, и я плююсь в потолок моего кокона... гробика... окружения из теней, медленно осознавая, спятившая я или да?

«А-ха-ха-ха», – крайне приятный смех мелодией разливается у меня в ушах, и я в обиде поджимаю губы: надо мной моё собственное сознание насмеяется!

Будто в ответ на моё раздражение, смех становится громче. Моя небольшая ладошка сжимается в кулачок, хватает кусочек тьмы и накрывается им, как одеялом. Всё – нет ме-

ня, я в домике! Ничего не слышу, не слышу, не слышу!

«Успокойся, ребёнок, – отсмеявшись, произносит порождение моего сознания. – Нормальная ты».

«Все нормальные теперь странных мужиков слышат?» – мысленно бурчу я, хотя, по-хорошему, не следовало отвечать, не за психичку бы сошла.

Непонятно кто хмыкает.

«Нормальные Колденхарды – да, и не странных мужиков, а своих демонических родственников. Среди них, знаешь ли, и женщины имеются».

Чего?!

«Каких-каких родственников? – интересуюсь я вместо того, чтобы заткнуться. – Кхм, а мысленно заткнуться вообще можно?»

«Можно, только осторожно, поток связи с тенями не перекрой, – предостерегает меня голос. – Касательно твоего первого вопроса, повторюсь: демонических. Ты думаешь от кого у Колденхардов их уникальные способности?»

«И почему, спрашивается, я вообще должна задумываться, от кого они. Есть и есть, – размышляю я, плотнее укутываюсь в одеялко из тьмы. – И что за демону, если уж они существуют, стало любопытно с человеком пошалить? Демониц, что ли, не хватало?»

«Мне и стало. К твоему сведению, я тогда не был женат», – замечает... демон.

«А, ну это, конечно всё меняет, – хмыкаю я. – Странные у

тебя пристрастия, кхм... а ты кто вообще? И ты не можешь, ну, не знаю, как-то материализоваться, что ли? А то я и правда себя какой-то чокнутой чувствую...»

С лёгким смехом тьма усаживает меня в коконе, и вскоре передо мной материализуется высокая фигура черноволосого мужчины в красных одеждах. Он опускается рядом, садится в позу лотоса и одаривает добродушной улыбкой. Глаза у него чёрные, я даже зрачок не различаю, губы алые, а волосы длиннющие и шелковистые.

– Дедушка, – представляется это красивое нечто.

Демонстративно окидываю мужчину... нет, даже юношу взглядом.

– Эм... а может, лучше дядя? Брат? Или просто по имени? Ты меня, конечно, прости, но на дедушку ты не тянешь, даже если ты мне...

Задумываюсь: «А кто он мне? Как давно вообще существуют Колденхарды, как род-бабайка для остальных?»

И вновь надо мной внаглую смеются, только теперь я прекрасно вижу того, кто это делает, запрокинув голову назад. Насупливаюсь и складываю руки на груди, ожидая, когда демон изволит успокоиться.

– Род-бабайка, хах, – изволит говорить, а не ржать великовозрастный юноша. – Ты мне определённо нравишься, ребёнок. Я, если честно, сам не скажу, сколько раз «пра»– дедушкой тебе являюсь, в семейной библиотеке посмотришь и посчитаешь, всё же, дело пятьсот лет назад было. А называй

меня всё же дедушкой, хотя имя я тебе скажу: Абрэхэмус. Тебя как зовут, маленькая Колденхард?

– Алесса, – ни о чём не задумываясь, я протягиваю «дедуле» руку для рукопожатия. С доброй и немного насмешливой улыбкой он осторожно сжимает мою ладонь в своей. От него веет уютом и теплом, как от теней, и припозднившаяся мысль царапает моё сознание, словно ей всё это время что-то мешало прийти ко мне в голову.

– А почему я так спокойно на вас реагирую? – задаю вопрос я, опять же, не пугаясь, а просто не понимая причины своего состояния. – Да и вообще на всё: на тени, на родство с демонами, на то, что не вижу и не слышу ничего снаружи. Я ведь должна бояться! Я должна беспокоиться об Аните! Но я... этого не делаю.

Опустив голову, я закусываю губу: после того, как произношу свои мысли вслух, мне становится за себя чертовски стыдно. Но сильно себя накрутить я не успеваю – мне на голову ложится большая ладонь, одаривая аккуратными поглаживаниями.

– Не кори себя, – успокаивает меня юноша. – Всё дело в демонической крови в твоих жилах. Тени никогда не причинят Колденхарду боли, никогда не напугают, никогда не предадут. Через них мы все, я и моя семья, малыш, воздействуем на вас, наших земных родственников: помогаем держать вредящие эмоции в узде, поддерживаем и защищаем. Потому ваш отец и сокрыл вас с сестрой в тенях.

– С Анитой сейчас тоже кто-то разговаривает? – природное любопытство оживляется и даёт о себе знать.

– Сама у неё потом и спросишь, – дедушка треплет меня по волосам. – А сейчас, может, всё же поспишь?

Тени заботливо меня укладывают, образуя под головой что-то вроде подушки и накрывая собой. Глаза против воли начинают слипаться.

– Не бойся, я тебе спю, – погладив меня по щеке, демон исчезает, но у меня в голове продолжает раздаваться его голос, погружая в сладкий сон.

Глава 3

– Ааа, есть хочу, – зеваю я, потягиваясь в постели и не разлепляя глаз. Живот неприятно сжимается, и я накрываю его поверх одеяла.

– Серьёзно? – отдалённый звук шагов – после кровати рядом со мной прогибается, и я слышу, как Анита плюхается рядом. Тычок пальца в щёку вынуждает меня поднять веки и недовольно уставиться на сестру. – Это первое, что пришло тебе в голову?

Недоумение быстро сменяется осознанием, и я подскакиваю в постели. Слишком большой постели! Которую ещё и балдахин окружает, сдерживая солнечные лучи и защищая мои глаза от резкого света.

Анни приобнимает меня и кладёт голову на плечо.

– Выспалась, да?

– Ага... – медленно отвечаю я. – А мы где вообще?

– Не знаю, сама только проснулась. Но логично предположить, что где-то у объявившегося папочки, – особого тепла в её словах не слышно. Впрочем, я её чувства разделяю и изворачиваюсь, чтобы обнять покрепче. Анита вжимается мне в плечо и вздыхает на грани всхлипа.

– И что ты об этом думаешь? – тихо спрашиваю я, поглажив сестрёнку по спине.

– Сама знаешь, – отзывается Анни едва слышно с ноткой

недовольства.

Знаю. Как бы сильно мы ни хотели семью, текущая ситуация нас скорее разочаровывает и обижает, чем радует. За нами пришли не чужие люди, а родной отец – и в этом была вся проблема! Прежде нам легче было думать, что наших родителей в этом мире просто не стало, потому они не могут быть рядом с нами. Мысль сия была хоть и болезненна, зато не так обидна, как та, что от нас просто отказались, хотя мы допускали и такой вариант. И он оказался правдив.

Но почему так произошло?! Если бы наши родители были бедны и не могли нас вырастить, мы бы смогли это принять, понять и простить. Но наш отец – герцог и буквально самый влиятельный человек в империи после императора! Так почему?! Почему он отказался от нас и почему объявился семь лет спустя?!

Я сама не замечаю, как сжимаю руки в кулаки за спиной сестры. Из рта вырывается поток ругательств. Анита резко отпускает меня и хлопает по рту ладошкой. Перекрывая моё мычание ей в руку, она предостерегает:

– Тише ты! Ругаешься, как сапожник.

Мой отнюдь не радостный взгляд прожёт бы в сестрице дырку, если бы мог. Но он не может, а вот её глаза похожи на две морозящие меня льдины. Аж передёргивает.

Когда я перестаю пытаться что-то сказать, Анита убирает кисть и со спокойным видом вытирает её об одеяло. О моё мягонькое тёпленькое одеялко такого нежного оттенка голу-

бого, что его перепачкать – раз плюнуть!

– Эй! – восклицаю, раздражённая её невозмутимостью. – Иди и пачкай своё!

– У него наверняка таких много, – пожимает плечами сестра, всем своим видом демонстрируя, как глупо я веду себя на её фоне.

Говоря о поведении...

– Ты подставила Мэри и директора, – замечаю, теребя в руках приятную ткань.

– Он это заслужил, – Анни мгновенно сводит брови к переносице. – Может, теперь у приюта будет хозяин получше.

– Нет, я не осуждаю! – я тут же вскидываюсь. – Это было... умно.

«И страшно», – добавляю я мысленно, в деталях вспоминая то, что было перед погружением в забытье. А было то, что моя милая трясущаяся сестрёнка взяла себя в руки и сообразила сдать тех, кто собирался сломать нам жизнь раньше, чем я вообще хоть что-то поняла. Мне на мгновение показалось, что я не знаю Аниту.

– Али, – мою задумчивость как мечом разрубают, но вскоре я понимаю, к чему Анни привлекала моё внимание. Звук шагов за дверью достаточно громок, словно нас специально предупреждают о приближении. Насторожившись, мы с сестрой принимаем одинаковые позы и становимся едва ли отличимыми друг от друга.

Двустворчатые резные двери из тёмного дерева открыва-

ются, являя нашему взору две фигуры: высокую и... почти такую же высокую. Волосы обоих длинные и густые, золотой оттенок красиво и знакомо переливается тьмой.

Более высокой фигурой является женщина. Две косы подчёркивают удивительную красоту её лица: черты тонкие, аккуратные, серые глаза притягательны, как небо в пасмурную погоду. Платье на ней, невооружённым взглядом видно, дорогое: яркая синяя ткань расшита серебряной нитью, изображающей звёзды, длинные рукава обхватывают тонкие руки до самых кончиков пальцев, ворот высокий, а одно плечо украшает некоторое подобие серебряного наплечника в виде дракона. Её наряд куда больше похож на платье из фэнтези, чем все те, что я видела в этом мире прежде.

Другой фигурой оказывается мальчишка в чёрных брюках и белой рубашке, рукава которой красной нитью отображают, опять же, драконов. Он старше нас с Анитой, но его выдающийся рост не позволяет определить, насколько именно. Юность выдаёт лицо, такое же аристократичное, как у женщины, но с отпечатком детской незрелости. Глаза у него те же, серые, очень живые, с искрами. Когда мы пересекаемся взглядами, он улыбается широко, и я замечаю, как вокруг него начинают кружить знакомые тени.

Моя рука невольно вытягивается вперёд, как бы призывая тени к себе. Будто только и ждав команды, некоторая их часть отрывается от остальных и, промчавшись по едва ли не зеркальному чёрному полу, запрыгивает ко мне на руки

чёрным комочком. Приятная прохлада разливается между пальцев.

– Я тоже хочу! – неожиданно обиженно звучит Анита, нарушая тишину и прерывая всеобщую игру в гляделки.

Несколько секунд, в течение которых я отчётливо слышу дыхание всех присутствующих, – и сестру со всех сторон окружает тьма, забираясь под ночную рубашку и...и... щекоча!!! Спальню заливают столь редкий для моей близняшки залиvistый смех.

– Хватит! Хватит! Хватит! – давит из себя Анни, купаясь во внимании внешне опасных теней. Они послушно отступают, словно их единственной задачей было стереть то расстроенное выражение с её лица, что возникло минутой ранее, но не уходят, а оседают в области лодыжек.

Сосредоточившись на магии, ни я, ни Анита не замечаем момента, когда две фигуры пересекают порог комнаты и становятся совсем рядом с занятой нами кроватью.

– Маленькие, – голос мальчишки звучит неожиданно близко, и я дёргаюсь до того, как встречаюсь с ним взглядом. Угрозы в его позе не чувствуется: расслабленный, он склоняет голову к плечу и излучает разве что слишком сильное любопытство. Моя настороженность настойчиво глушится. – Я был гораздо выше в семь лет.

– Ричард, ты не представился, – журит мальчика женщина, легонько стукнув его кулаком по макушке, – но согласись, они крохотные и недокормленные.

Под ободряющие поглаживания теней я решаюсь спросить:

– Эм, извините, а вы кто?

– Элейн Колденхард, – мгновенно отзывается незнакома. Учитывая цвет волос и близость теней, её фамилия несколько не удивляет. Интересно только, кем она нам с Анитой приходится. – Я сестра вашего отца, но прошу, никогда не называйте меня тётей! Простого «Элейн» будет достаточно.

Не дождавшись ответной реакции, женщина кивает на нас мальчику.

– Ричард Колденхард, – улыбаясь во все тридцать два белоснежных зуба, сообщает он. – И меня можно, нет, даже нужно звать старшим братом!

Моё лицо передёргивает, как от зубной боли. Тени подавляют моё смятение и обиду, но не подсказывают, как именно себя вести с объявившимися столько лет спустя родственниками. Внезапно добродушными.

Прокашливаюсь.

– Рада знакомству? – звучит скорее вопросительно, чем утвердительно. Сидящая рядом Анни хмыкает, но не спешит выручить меня из неловкой ситуации.

Элейн чуть хмурится, но это несколько не портит её красивое лицо. Протянув руку, она легонько треплет меня по распущенным волосам.

– Конечно же, у вас куча вопросов, – в её интонации слыш-

ком много раздражающего понимания. – Но боюсь я не та, кто имеет право на них отвечать.

– А кто имеет? – Анита вступает в разговор, окружённая определённо куда большим количеством тьмы, чем мгновение назад.

Сведённые к переносице брови Ричарда и Элейн показывают, что не одна я заметила перемену. Тётя едва касается теней кончиками пальцев, как они впитываются в её кожу, оставляя сестру. В отличие от нас, тянущихся к магии на каком-то уровне инстинктов, она управляет ими легко и естественно.

– Давайте так! – расслабившись, когда теней стало значительно меньше, Элейн хлопает в ладоши. – Сейчас вас умоют, приоденут, расчешут и вкусно накормят, а потом я лично отведу вас в кабинет вашего отца и прослежу, чтобы он рассказал вам всё, что вы должны и хотите знать? К тому времени он как раз закончит...

Тётя закусывает губу на полуслове.

– Разбираться с делами, – подсказывает родственнице Ричард.

– Верно, – кивает женщина. – Алесса, Анита, побудете в неведении ещё совсем немножко?

Экстра. Алых капель след

В Империи Холодных Звёзд, получившей своё название из-за близости земель к естественному переходу из земного мира в Демоническое Царство и отделённой от него заснеженными горами, пиками разрезающими по ночам сверкающее от света алмазных звёзд небо, был лишь один человек, властью превосходящий Винсента Колденхарда. И ни одного, превосходящего его по силе. Привыкший к такому раскладу, Винсент не ожидал, что против него решится пойти кто-то, кто во всём ему уступает. Ему казалось естественным, что любой будет бояться последствий. Почему же *этот* человек не боялся?

Мужчина отчётливо слышит звук собственных шагов, когда спускается по лестнице в темницу под поместьем. Врагов у Колденхардов, потомков демона, около пятисот лет назад было много и даже родство с императором не спасало. Младшая сестра тогдашнего правителя, занявшая место герцогини Колденхард после преждевременной кончины их среднего брата, полюбила демонического лорда и зачала дитя, которого объявила наследником. Много раз от нечистого ребёнка пытались избавиться, но Абрэхэмус, отец мальчика, жил с герцогиней и сыном до самой их смерти и успел обучить отпрыска магии теней, которая навеки укоренилась в крови Колденхардов. Темница сохранилась с тех тёмных времён,

когда роду Винсента приходилось защищать своё право на существование.

Впервые со времён становления Винсента герцогом кто-то оказался среди влажных чёрных стен, обитых демоническим камнем. Факелы давно зажжены, но не ради благополучия пленника, а ради безопасности слуг, что кормили его и сохраняли жизнь до прибытия герцога. Взмахом руки мужчина выпускает тени, что чёрным туманом ползут впереди него к железной решётке и спокойно пробираются за неё, в камеру того, кому сегодня предстоит испустить последний вздох. Винсент чувствует запах его крови и страха, и что-то чёрное в его душе поднимается, силясь поглотить без остатка.

Мужчина останавливается практически вплотную к решётке, когда тени достигают пленника. Чувствуя их касания, тот раздражается криком. Усмешка трогает губы Винсента: забавно, что то, что так ласково льнёт к каждому Колденхарду, способно причинить любому другому ужасную боль, и чем больше желание владельца магии, тем сильнее чужие муки. Желание Винсента велико.

От Джерарда Марисоля отвратительно несёт. Запах в темнице стоит такой, что не стыдно зажать нос и сбежать, но Винсент Колденхард терпит. Он впитает страдания этого ублюдка без остатка, даже если придётся выносить этот смрад. По его велению тени отступают, впитываются в прижатую к железному пруту руку.

– Что мне отрубить тебе первым? – бесстрастно спрашивает мужчина у пленника. – Руку? Ногу? Начать с пальцев?

Джерард Марисоль кривится. Он не знает, каких усилий Винсенту стоит сохранять своё обычное равнодушие.

Джерард Марисоль, последний из обедневшего дворянского рода Марисоль, старший брат Ивлин и глава её рода, слишком похож на сестру. У них одни и те же глаза, голубые как безоблачные небеса, одни и те же густые чёрные волосы, которые молодой Колденхард когда-то сравнивал с шёлком, мягкие и нежные черты, не несущие в себе угрозы. Представители рода Марисоль были внешне нежны и красивы. И у них был лишь один достойный представитель. Та, кого они сами же и сгубили.

– Разве тебе, демоническому отродью, есть какая-то разница?! – выкрикивает Джерард. Дрожит от страха, а от грязных слов не отказывается.

– Нет, – Винсент пожимает плечами. Эта тварь не увидит ни единой его эмоции. – Я выберу сам.

Дверь в камеру открывается: замок был зачарован подчиняться теньям. Мужчина ступает внутрь и вынимает меч из ножен. Он по-прежнему в броне, в которой вернулся с войны. Она длилась уже не один год, и лишь недавно ему довелось положить ей конец. Могущественный герцог в быту и отважный генерал на поле боя, Хозяин Теней Винсент Колденхард, слишком много потерял из-за войны с жителями империи Дарвина. Сначала его жена, мать его единственного

сына, скончалась от болезни, подхваченной от лишившихся из-за войны родителей детей, которым помогала, потом он оказался вынужден покинуть свою вторую жену, беременную Ивлин, поддавшись её уговорам оставить её в доме её семьи, пока он отсутствует. Винсент счёл это разумным: его сестра Элейн отправлялась на войну вместе с ним, а Ричард был мал и неосторожен с тенями, которые уже умел призывать. Хотя слуги и были обучены заботе о молодом господине и могли позаботиться и о его прекрасной супруге, Винсент просто решил поддаться уговорам любимой. Худшее его решение!

В темнице разносится крик: алая кровь окропляет пол, когда отрубленная рука Джерарда плюхается рядом с его телом.

– Я хочу, чтобы ты знал, что ты последний, – кончиком меча Колденхард приподнимает подбородок пленника. – Я оставил тебя напоследок, глава рода.

До Джерарда доходит.

– Неужели даже детей?! Ублюдок! Настоящее демоническое отродье! – плюётся он.

Винсент отрубает ему вторую руку.

– Разве ты пожалел моих детей? Ты пожалел *её* детей? *Своих* племянниц? – Хозяин Теней отдаляется, но его магия идёт в атаку. Тени пронзают пленника болью, как тысячей игл. – Твои слуги во всём признались. Сначала ты, не оказывая никакой помощи, дал Ивлин родить и умереть в муках, а после приказал убить рождённых ею малышей, словно жизнь и

любовь сестры для тебя никогда ничего не стоили!

Он всё же повышает голос. Гнев разрезает его лицо, подобно клинку.

Джерард чему-то усмехается.

– Отребью смерть отребья.

– Тут ты прав, – серые глаза Винсента становятся чернее ночи от используемой магии: поглощая его ненависть, тени пробираются пленнику в рот и нос и в конечном итоге разрывают на части.

На улице идёт снег. С доспехов Винсента и с его меча на белое покрывало капает кровь уничтоженного им рода Марисоль. Элейн Колденхард на всю жизнь запоминает ту алую тропу, что расчертил её старший брат. Джерард Марисоль совершил величайшую ошибку, решив, что спокойный Винсент просто поверит в его слова о том, что Ивлин родила мёртвых детей и скончалась. Слишком уж он её любил, эту маленькую и светлую Ивлин Марисоль. Позволив погибнуть своей сестре и убив её детей, он подписал их роду смертный приговор.

Глава 4

Раздаётся стук. Анита, до того сидевшая, подперев щеку рукой, и лениво конспектировавшая рассказ герцога, бросает взгляд на двустворчатые двери. Винсент Колденхард шевелит пальцами – и тень тянет за ручку, чтобы пропустить внутрь двух служанок с подносами. Они тихо, так, что я практически не слышу звука их шагов, заходят во внушительных размеров кабинет и приближаются к столу в форме буквы «П». Одна забирает уже выпитые чашки с какао, другая ставит передо мной и сестрёнкой свежие. Когда я мгновенно хватаюсь за горячую чашку, то ловлю тёплую улыбку работающей на герцога девушки и спешу спрятать взгляд. Знала бы она, что причина, по которой я так вцепилась в какао, не в том, что я очень его ждала(mmm, хотя и это тоже), а в том, что их хозяин напугал меня до усрачки!!!

Едва за работницами закрывается дверь, как я присасываюсь губами к фарфору. Сладко! Обжигает! Не страшно! Анита откладывает перо, принохивается и делает глоток, как истинная аристократка. «Показушница! – фыркаю про себя. – И актриса». Поймав мой взгляд, сестра чуть приподнимает уголки губ – и тогда я вижу, как она довольна и какой кайф ловит от напитка в своих руках. Её искренние эмоции позволяют мне немного отпустить конфликт своего разума и ощущений, и следующий глоток я уже смакую практически

со стоном.

Со стороны раздаётся странный смешок, отвлекая меня от погружения в блаженное состояние. Оглядываюсь на сидящего во главе стола герцога, который сидит всё с таким же каменным лицом, с каким рассказывал о том, как его обманула семья нашей матери и как он доходчиво объяснил им всем, почему так делать не следовало, и, склонив голову к плечу, глазами спрашиваю, слышалось мне или нет.

Новоявленный отец молчит, а я после его рассказа даже не знаю, как на него реагировать. Не то чтобы я чувствовала прямо такой уж страх и ужас, нет. Просто умственно меня несколько напрягает мужчина, который способен с постным лицом вещать о том, как убил всех наших родственников со стороны матери. Хотя после всех прочитанных мною в прошлой жизни книг, особенно азиатских новелл и комиксов, меня трудно удивить таким поворотом событий. История моих родителей с художественной точки зрения красивая и трагичная. Но вот осознавать, что она реальная, несколько жутко. Насколько представленная модель отца вообще психически стабильная? Хотя, это не двадцать первый век нашего мира, он герцог, генерал и убивал на войне. Марисоли знали, что он опасен, но из ненависти к «чёрному магу» предали члена собственной семьи, допустили её смерть при родах, родильные муки, хотя могли бы давать ей магические лекарства и вызвать врачей... А когда мы с Анитой родились, они от нас избавились, подкинув в приют. Именно они

лишили нас семьи. Потому чувства по отношению к поступку Винсента Колденхарда у меня двойкие.

Анита вновь справляется с собой и своими мыслями быстрее меня.

– Почему вы так уверены, что наша мать именно Ивлин Марисоль?

Если мужчину и удивляет вопросы сестры, то он этого никак не показывает, спокойным голосом отвечает:

– Подходящий возраст... и у вас её глаза.

Фразы банальнее и придумать нельзя, но что-то заставляет в неё поверить. Какао в моей чашке заканчивается, вопросов у меня нет(если появятся, то Анита наверняка записала ответы), кроме одного: а как жить-то теперь будем?

Через два месяца я сама могу дать себе ответ: хорошо. Даже слишком хорошо в сравнении с прошлым. Разница настолько значительная, что каждый раз перед сном мне кажется, что нельзя закрывать глаза, иначе я снова проснусь на узкой жестковатой кровати в приюте, где дотянусь рукой до сонной лежащей по соседству Аниты и вместе с ней пойду встречать очередной скучный, серый день. Но всякий раз я лишь напрасно опасуюсь, и из тепла мягкого одеяла меня вырывают тихие и ласковые голоса приставленных к нам с сестрой служанок, а дни проходят... занимательно. У юных леди Колденхард есть семья, которая проводит с ними время, обязательные уроки по несколько часов в день, деньги и, что немаловажно, возможности их тратить.

Бьющий по стёклам дождь обильно смачивает цветы и деревья герцогского сада. Серое небо, такое же, как глаза всех Колденхардов в поместье, кроме нас с Анитой, своей красотой просится на картину. Когда я выхожу на улицу, спускаясь по мокрому белокаменному крыльцу и следя за тем, чтобы не поскользнуться, то промокаю уже через две минуты. Мне бы пожалеть свою новую красивую одежду, но, вспоминая, сколько нарядов для нас с сестрой уже заказала и ещё планирует заказать Элейн, я машу на это рукой.

В лужах, по которым я пробегаю, отражается маленькая госпожа. Хлопковое платье с запахом, широкими рукавами и слоем нефритового тюля длиной до колен, туфельки на невысоком каблучке, волосы, собранные в высокий хвост и украшенные серебряной заколкой... И не скажешь, что жила когда-то, как сиротка. Хотя, Элейн каждый приём пищи сетует на нашу с Анитой худобу, а Ричард тренирует нас, чтобы мы набрали мышечную массу. Отец... он многозначительно молчит.

– Юная леди не боится заболеть?

Я резко останавливаюсь, и тени мгновенно вырастают у меня из-за спины, выдавая моё напряжение. За два месяца они фактически стали моей второй кожей, незримой в обычное время, но дающей о себе знать, когда их призывают. Тени с рождения с Колденхардами, но лишь начав тренироваться с Ричардом, мы с Анитой научились самостоятельно их призывать.

– Внутри каждого мага – магическое ядро, – объяснял брат, стоя за нашими с Анитой спинами и прикасаясь большими ладонями к нашим животам, обозначая местоположения ядер. Солнце в тот день нещадно палило, и, стоя на летней тренировочной площадке за садом, мы порадовались спортивным костюмам, состоящим из свободных брюк и рубашек из тонкой ткани. – До того, как маг начинает практиковать магию, оно маленькое и как бы спит. Но чем больше маг тренируется, занимается дыхательными и силовыми практиками, тем больше становится его ядро, тем чаще он способен использовать свои способности и тем мощнее его заклинания. В отличие от обычных людей, которым повезёт, если от двух магов родится хотя бы один в следующем поколении, мы, Колденхарды, все без исключения рождаемся с магическим ядром. Здорово, правда?

Брат развернул нас к себе лицом и присел на корточки, широко улыбаясь.

– И оно у вас изначально больше, чем у любого другого ребёнка в империи, – нас потрепали по волосам. – А сейчас будем учиться надирать задницы?

Не сказать, что я многому научилась, но кое-что уже умела. Припугнуть незнакомца мне сил хватит.

– Уверена, что мы не знакомы.

Хотя дождь сегодня хлещет, как из ведра, я помню о том, что отец ожидает гостей. Глава Ордена Имперских Магов обещался приехать и что-то обсудить с герцогом. Из рас-

сказов Элейн, взявшейся преподавать нам историю, я успела узнать о том, насколько напряжённые отношения между Орденом и Колденхардами. Представители нашего рода являются магами, но, хоть мы и используем магическое ядро, мы не применяем те же заклинания, что другие, и черпаем свою магию не из природы, а из собственной волшебной крови. Это испокон веков пугает и напрягает Орден. Столетия прошли с тех пор, как люди в последний раз сталкивались с демонами, но Колденхарды существуют и находятся под самым носом, на вершине, повелевают тенями, призвать которые не способен более никто. А ведь пытались... заканчивалось плачевно. Официально Орден Имперских Магов и Колденхарды – союзники, но реакция на визит Элейн и Ричарда выдавала, что ничего хорошего от орденцев ждать не стоит. Лицо отца было не прочесть.

Мальчишка младше Ричарда года на четыре, то есть лет десяти, что стоял, прислонившись к стене, под высаженной здесь вишней, отстраняется и отвешивает мне низкий поклон.

– Уверяю, мне дозволено здесь находится. Джейсон Кафт, представитель Ордена Имперских Магов. Прибыл сюда вместе с отцом.

Я подозрительно щурюсь. Белые одежды хорошего качества, что неудивительно, ведь верхушка Ордена состоит из аристократов. Чёрные волосы собраны в хвост, они не такие длинные, как у брата, но и не совсем короткие: кончик хво-

ста достаёт плеч. Лицо мальчика выдаёт его будущую красоту: брови вразлёт, выразительные карие глаза, лукаво изогнутые губы...

«Я сейчас на ребёнка засматриваюсь?!» – мысленно кричу я, признавая привлекательность десятилетки, несмотря на его подозрительность.

«Ты сама ребёнок», – отзывается дедуля, будто я думаю только для него одного.

«Тебе заняться нечем?» – недовольно бросаю я, но дедушка молчит. Всё же он не круглосуточно может мне отвечать, видимо, эта мысль была слишком яркой и привлекающей внимание, чтобы он сумел её проигнорировать.

– Алесса Колденхард, – я протягиваю руку вместо того, чтобы присесть в реверансе. Я успела ему научиться, но сейчас хочу продемонстрировать собеседнику, что у нас не светская беседа, и я ему не доверяю. Не без причины.

Мальчик обхватывает мою ладонь.

– Почему же вы не с отцом? И почему же из всех уголков сада вы выбрали именно этот отдалённый, откуда так хорошо просматривается происходящее внутри?

Я киваю на окна первого этажа.

Джейсон несколько не смущается.

– В доме я не сумел бы незаметно подслушать.

И тут я понимаю: мы стоим неподалёку от окон в одном из кабинетов отца! У него их два: личный и гостевой. Личный находится выше, а вот гостевой – внизу.

– И вы так спокойно мне об этом говорите? – я складываю руки на груди.

– А разве вы сами не пришли сюда для того же? – недоумевает паренёк.

Всю мою наигранную величественность как ветром сдувает, и я вмиг становлюсь похожей на выброшенную на берег рыбёшку: рот открыть, рот закрыть, рот открыть, рот закрыть...

– Ва-ваше предположение просто абсурдно! – выдаю я с заиканием. – Зачем мне шпионить в собственном доме?

Настаёт черёд мальчонки удивляться. Лицо Джейсона вытягивается, и он, чуть склонившись ко мне, спрашивает:

– Неужели ваш отец и так вам всё рассказывает? Мой вот постоянно отмалчивается...

После грустно опускает голову, становясь похожим на побитого щеночка. Мокрую бродяжку, пробуждающую в окружающих всепоглощающее чувство жалости и желание ласково погладить по голове. Мне хочется куда-нибудь испариться, притом, что испариться из нас двоих следует ему!

– Н-ничего он мне не рассказывает! – снова заикаюсь я и отвожу взгляд в сторону. Щёки отчего-то колет. В прыжке срываю с ближайшего вишнёвого дерева спелую ягоду и отправляю себе в рот, да только вот сосредоточиться на жевании и приятном вкусе с умеренной кислинкой не получается: меня хватают за запястье и заговорщически шепчут на ухо:

– Так давайте подслушаем вместе?

Косточка изо рта прилетает прямоком мальчику в нос, но я быстро подавляю неловкое «Ой!». Да он же... он же... по меркам этого мира он вообще бесстыдно себя сейчас себя ведёт! Хотя, чему я удивляюсь, он же десятилетка!

– Алесса, вот ты где! – за нашими спинами звучит голос Ричарда, и мы с Джейсоном синхронно оборачиваемся. Брат, в отличие от меня накинувший летний плащ с капюшоном, спешит, щурится недобро, но, поравнявшись со мной, осторожно за руку притягивает к себе и прикрывает принесённым зонтом.

– Младший Кафт, – при обращении к моему собеседнику Ричард едва ли не ядом плюётся. На лице у него незримый художник рисует прохладную улыбку, от которой мороз по коже пробегает. Я не припомню, чтобы за эти два месяца видела, как он улыбается подобным образом. Обычно Ричард чрезвычайно добродушен. – Точно помню, что вас искал ваш отец. Полагаю, вы заблудились по пути в малую гостиную?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.